

Научная статья

УДК (82-312.1)

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10312

СЕМАНТИКО-СМЫСЛОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ И МЕХАНИЗМЫ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЙ САТИРЫ В РОССИИ НАЧАЛА XX В.

Юе Чжао

Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Узбекистан, zhaoyueleo@mail.ru

Аннотация. Цель статьи — определить языковую специфику антибуржуазной повествовательной сатиры в контексте русской литературы начала XX в. Результаты: повествовательная сатира претерпела языковые изменения и под эгидой правительства выступила в роли инструмента, позволяющего формировать в обществе определенные идеологические принципы, что в начале XX в. сделало более эффективным проведение в России социально-политических трансформаций.

Ключевые слова: сатира, юмор, сатирическая повесть, комический жанр, комическая проза, Октябрьская революция

Для цитирования: Чжао Ю. Семантико-смысловые особенности и механизмы повествовательной сатиры в России начала XX в. // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 3 (461). Филологические науки. Вып. 128. С. 85—89. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10312.

Original article

“REVOLUTION” IN THE RUSSIAN NARRATIVE SATIRE IN THE EARLY 20TH C.

Yue Zhao

Uzbekistan State World Languages University, Tashkent, Uzbekistan, zhaoyueleo@mail.ru

Abstract. The late 19th — early 20th centuries in Russia are marked by the human life restructuring in all spheres, including the literary strategies of the creative professionals, writers, artists, acting under the influence of prevailing political and ideological attitudes. The collapse of the Russian Empire was followed by the emergence, subsequent grand-scale advances and flourishing of the USSR. The establishment of Communist convictions was accompanied by ideological struggle. The new epoch appealed to anti-bourgeois narrative satire, which has become one of the main ideological and political tools in the formation of the ideological consciousness in early 20th c. Russia. The goal of our research is to determine the specificity of this satire in the context of Russian literature. We conclude that the narrative satire thriving under the government's auspices and acted as an instrument allowing the formation of certain ideological principles in society, which made effective the implementation of socio-political transformations in Russia in the early 20th c.

Keywords: satire, humor, satirical story, comic genre, comic prose, October Revolution

For citation: Yue Zhao. “Revolution” in the Russian narrative satire in the early 20th century. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(3(461):85-89. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10312.

Введение

Согласно концепции, предложенной Л. Ф. Ершовым, «сатира и юмор со времен седой древности и по сей день непрерываемо свидетельствуют о душевном здоровье, бодрости и силе народа» [3. С. 17]. Однако большинство российских изданий начала XX в., «заявлявших себя как сатири-

ческие... сочетали на своих страницах комическое с патетикой, гражданским пафосом, мортальными и макабрическими мотивами» [7. С. 41]. В текстах их публикаций в роли объектов сатирического изображения выступали господствовавшие прежде классы, эгоистически и неправомерно эксплуатирующие, по мнению проправительственных писателей, труд людей более низкого уровня дохода. «Особенностью сатиры стала бескомпромиссность

суждений о предмете осмеяния... и тенденциозность...» [5. С. 25].

Анализ научной литературы, проведенный в рамках настоящего исследования, продемонстрировал, что ученые (Л. Ф. Ершов, С. Я. Гончарова-Грабовская и др.) дифференцируют такие понятия, как «юмор» и «сатира», прежде всего выделяя их эмоционально-экспрессивные отличия. «Юмор — отрицание частного, второстепенного в явлении, а сатира есть отрицание общего, основного» [2. С. 137; 3. С. 17]. В то время как юморист высказывает свою мягкую, светлую, трогательную оценку на предмет существования каких-либо жизненных социальных пороков, типических недостатков и слабостей общества, «преимущественное чувство у сатирика — негодование, презрение и гнев» [3. С. 17].

При этом отметим, что, согласно концепции З. Фрейда, сатира как тенденциозная острота обладает наибольшим эффектом воздействия на адресата, так как приносит ему больше удовольствия, в то же время являясь агрессивным методом коммуницирования с ним [10. С. 12], что, очевидно, обусловило ее использование в России в качестве информационного оружия и инструмента политической борьбы в периоды ведения Первой мировой войны (28 июля 1914 г. — 11 ноября 1918 г.), Октябрьской революции (1917) и Гражданской войны (1917—1922).

Непосредственно для русского художественного слова рубеж XIX—XX вв. характерен отображением социально-политических коллизий, преимущественно идеологии народнического и марксистского социализма, которые транслировались в массы сквозь призму сатирических мотивов, что обуславливает актуальность исследования данной научной проблемы.

Целью данного исследования является определение специфики антибуржуазной повествовательной сатиры в контексте русской литературы начала XX в.

Методы и материалы

Данная статья включила ряд методов, прежде всего структурно-семантический, сравнительно-типологический, сравнительно-исторический анализ, а также герменевтический и метод целостного стилистического анализа литературных произведений.

Теоретический анализ комедиографии свидетельствует о том, что сатирический жанр и юмор не просто выступают в роли развлекательного инструмента, но прежде всего отображают поли-

тические и социальные настроения определенной эпохи, свидетельствуют о ментальных особенностях народа, общности культурных и национальных фоновых знаний, характеризуют специфику его традиций и обычаев, а также интеллектуальные особенности людей.

Выводы, изложенные в статье, могут служить для подтверждения или опровержения научных гипотез в аналогичных исследованиях других авторов по проблеме формально-содержательной «революции» русской повествовательной сатиры начала XX в.

Результаты и обсуждение

Анализ эволюции «революционной» сатиры

В Российской империи XVIII — начала XIX в. сатира служила преимущественно инструментом познания прошлого, позволявшим аксиологизировать общественно значимые события. Историография печатного дела середины XIX — XX в. свидетельствует о том, что сатира в тот период общественного развития стала выступать в качестве инструмента идейно-политического противоборства. Со второго десятилетия XX в. революционные мотивы и рычаги воздействия на общественное мнение были детерминированы тремя «переменными», которые спровоцировали потоки новаторских воззрений на сложившееся социально-политическое положение России: Первая мировая война, Октябрьская революция и Гражданская война. «В сатирических изданиях 1917 г. практически не было беззлобного юмора. Публиковалась только злая и беспощадная сатира, не просто ставшая орудием политической борьбы, но и, по сути, разрушившая все традиционные морально-нравственные устои общества» [6. С. 105].

Сатирические произведения времен революций начала XIX в. и постреволюционной эпохи отражали духовно-нравственную деградацию общества. В массовых изданиях активно публиковались карикатуры и сатирическая проза, «обличавшие» экс-императора, членов его семьи и приближенных лиц как недостойных уважения людей. Так, они интерпретировали Николая II как низко падшего человека, слабого и трусливого, готового ради бутылки спирта на любые низменные поступки, сплавившего мужиков, хитрого и коварного торговца и пр. Сатирические произведения были пропитаны ненавистью к семье монарха, что превратило юмор в жестокую сатиру, целью которой стало «прямое подстрекательство к безжалостному возмездию» [Там же], что впоследствии помогло революци-

онерам оправдать не только арест, но и расстрел императорской фамилии.

В период Гражданской войны 1917—1922 гг. идеологическая борьба за окончательное низвержение монархического и капиталистического строя в отдаленных от Москвы и Санкт-Петербурга городах реализовывалась преимущественно через средства информационной войны, чему «белое движение долгое время не придавало должного значения» [13. С. 22], вследствие чего потерпело полный крах.

Сказанное подтверждается, например, тем, что среди народонаселения Сибири классовая борьба осуществлялась посредством газетной прессы, которая включала в себя не только освещение новостных событий, но и художественную литературу, в том числе отрывки больших по объему эпически-повествовательных произведений, напитанные острополитическими аллюзиями и пронизанные новым революционным пролетарским духом, саркастическим смехом и комическим преувеличением [8. С. 89; 13. С. 14]. Соответственно, «Первая мировая, а затем Гражданская войны явились прародительницами эпохи информационных войн, поворотным пунктом в развитии теории и практики информационного противоборства» [13. С. 22].

Сатирические произведения малых и крупных форм активно публиковались в сатирических изданиях по всей России. Причем «композиционное единство было присуще сатирическим журналам в столь значительной мере, что они отчасти сближались с такими крупными литературными формами, как роман» [11. С. 27]. Согласно мнению Л. А. Трахтенберга (2016), в сатирических изданиях XIX—XX вв. роман проявлял себя наиболее ярко.

Эволюция и консолидация сатирических мотивов

В постреволюционный период осталась необходимость укреплять власть большевиков, поэтому правительственные информационные структуры активно продолжали распространение релевантной пропаганды. Например, роман сатирически-памфлетного характера С. С. Заяицкого «Красавица с острова Люлю» [4] (1926) выступил в роли травестийного орудия разоблачения порочного гедонистического образа жизни белогвардейцев, которые совместно с представителями буржуазного общества тщетно и легкомысленно прожигали свою жизнь во Франции в увеселительных мероприятиях. Это кульминировалось в девизе одного из балов во фразе «Все дозволено!». Организатор праздника призывал веселиться так, «чтобы

слышала Москва», тем самым, сатирически противопоставляя аскетический коммунистический интернационал, центром которого была столица России, и фривольный Париж: «Пасторальные коннотации, “работая” на дискредитацию бонвиванов всех стран, проливали свет и на античеловеческую сущность их политических оппонентов. Однако комический статус героя... актуализировал иное: жизнелюбие уподоблялось прожиганию жизни и оценивалось как порок» [12. С. 95]. Таким образом, сатирический роман С. С. Заяицкого драматизировал противоречие между политическими реалиями, порядком, цивилизацией и пасторальными иллюзиями, легкомысленностью и гедонизмом.

Основной целью русской повествовательной сатиры начала XX в. (в особенности в 1920-х гг.) становится создание или пересоздание идеологически нового человека в новом времени. В качестве примера служит авантюрно-фантастическая повесть А. В. Шишко «Конец здравого смысла» [14] (1927), сатирически обрисовывающая будущее потенциальной буржуазной Европы, капиталистическое общество потребления и эпатажную олигархию, высмеивая при этом мечты писателей-утопистов (например, таблетки, заменяющие сон и еду или способствующие омоложению). Тем не менее буржуазность, изображаемая писателем, имеет декларативный контекст, а классовая борьба больше напоминает бунт человечества против механизированной цивилизации. Таким образом, представляя элиту в негативных красках, А. В. Шишко тем самым акцентирует внимание на целесообразности труда рабочего класса, его положительных аспектах и счастье, а именно что простое и, на первый взгляд, тривиальное бытование человека приносит гораздо больше счастья, чем жизнь богатой буржуазии.

В. П. Катаев был знаменит сатирической прозой белогвардейцев и патетическим изображением красноармейцев, о чем свидетельствуют, например, рассказы «Опыт Кранца» (1919); «Золотое перо» (1920); «Записки о Гражданской войне» (1924) и т. д. В постреволюционный период автор обращался преимущественно к социально-психологической сатире, изобличавшей мещанскую пошлость и культ собственности [1. С. 319] (например, комедия «Квадратура круга» (1928) или роман-хроника «Время, вперед!» (1932)). Однако после смерти Сталина с каждым годом идеология В. П. Катаева менялась в противоположную сторону, о чем свидетельствует его повесть 1979 г. «Уже написан Вертер», рассказывающая читателю «об ужасах красного террора. Повесть, названная критиками, раскрывала другого Катаева»

[9. С. 122], тем самым подтверждая тот факт, что «революционная» сатира выступала в роли идеологического и классового противоборства в большой степени с подачи властей, а личная интерпретация реальности драматургов-сатириков варьировалась в зависимости от личного положения, настроения автора, а главное — в зависимости от общественной и политической конъюнктуры.

Таким образом, повествовательная сатира под эгидой правительства выступала в роли инструмента, позволяющего формировать в обществе определенные идеологические принципы, что в начале XX в. позволяло оптимизировать проведение в России социально-политических трансформаций.

Информационно-пропагандистская политика революционеров реализовывалась посредством литературы крупных и малых форм, что совершенно не учли представители белого движения, вследствие чего потерпели поражение в Октябрьской революции и Гражданской войне. Между тем сатирические произведения отличались эклектичностью, дерзостью, пафосностью и интертекстуальностью.

Заключение

На изломе XIX—XX вв. в России произошли сильные потрясения, коснувшиеся всех народов, чьи земли входили в состав Империи, что обусловило обращение к сатире как наиболее

релевантной форме коммуникации средств массовой информации и драматургов с читательской аудиторией.

Русская агитационная сатира начала XX в. сквозь призму описания комических явлений общественной жизни, преимущественно монархических устоев и традиций, буржуазного общества потребления и противников «красного движения», сформировала в сознании россиян коммунистическую реальность посредством обличения пафоса и развенчивания культа наживы и «красивой» жизни, тем самым психологически мотивируя их придерживаться определенной идеологии в становлении нового общественного строя.

Повествовательная сатира начала XX в. выступала в роли предикта стратегий и подоплеку действий противника (то есть технологией общественной аналитики, которая помогала определять мотивы, результат и качество действий оппонентов, а также выступать оружием борьбы с буржуазным обществом и классовой несправедливостью), а объект смеха стал предикатом сатиры (буржуазное общество, император Николай II, его приближенные и пр.).

Таким образом, специфика «революции» повествовательной сатиры в контексте русской литературы начала XX в. отличается контрастным изображением советских реалий, патетическим представлением большевиков и их идеологии и отрицанием устоев и традиций монархического строя.

Список источников

1. Быков Д. Л. Советские писатели. М.: ПРОЗАИК, 2020. 479 с.
2. Гончарова-Грабовская С. Я. Комедия в русской драматургии конца XX — начала XXI века: учеб. пособие для студентов, аспирантов, преподавателей-филологов. М.: Вел. Луки: Флинта: Наука: Великолук. гор. тип., 2006. 278 с.
3. Ершов Л. Ф. Советская сатирическая проза. М.: Л.: Художеств. лит., 1966. 296 с.
4. Заяицкий С. С. Красавица с острова Люлю. М.: Nobel Press, 2020. 64 с.
5. Коновалов С. М. О сатире // ART LOGOS. 2020. № 2 (11). С. 24—35.
6. Константинова Е. Д., Медведева Н. Н. Революция 1917 года: взгляд через столетие // Катановские чтения-2019: сб. науч. тр. студентов. Абакан: Хакас. гос. ун-т им. Н. Ф. Катанова, 2019. 318 с.
7. Николаев Д. Д. Русский сатирический афоризм 1905—1907-х гг.: поэтика и типология // Вестник ТГПУ. 2019. № 1 (198). С. 38—48.
8. Поэтика комического в русской литературе XX—XXI вв.: коллектив. моногр. / Т. А. Александрова, О. Белькеддар, Г. Н. Воронцова [и др.]; сост., ред. Д. Д. Николаев. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 558 с.
9. Репида В. Б., Сайко О. А. История государственности в русской литературе. Кн. 3: Государство — это мы. 1917—1991 годы. Кишинев, 2019. 592 с.
10. Самыгина Л. В. Ирония: метатекстовый потенциал в рассказах С. Д. Довлатова: монография. М.: Русайнс, 2017. 165 с.
11. Трахтенберг Л. А. Русские сатирические журналы XVIII века: очерки поэтики: монография. М.: МАКС Пресс, 2016. 431 с.
12. Фоминых Т. Н. С. С. Заяицкий «Красавица с острова Люлю»: пасторальные аспекты романа и его инсценировки // Пастораль. Идиллия. Утопия. М.: Ин-т науч. инф. по обществ. наукам РАН, 2002. С. 94—106.

13. Шилова О. С. Информационная политика противоборствующих сил во время Гражданской войны в Сибири (на материалах Иркутской губернии 1918—1920 гг.): монография. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2021. 167 с.
14. Шишко А. В. Конец здравого смысла. Екатеринбург: Тардис, 2010. 20 с.

References

1. Bykov DL. Sovetskie pisateli = Soviet writers. Moscow: Prozaik; 2020. 479 p. (In Russ.).
2. Goncharova-Grabovskaya SYa. Komediya v russkoj dramaturgii konca XX — nachala XXI veka = Comedy in Russian drama of the late XX — early XXI century. Moscow, Velikie Luki: Flinta: Nauka: Velikolukskaya gorodskaya tipografiya; 2006. 278 p. (In Russ.).
3. Ershov LF. Sovetskaya satiricheskaya proza = Soviet satirical prose. Moscow, Leningrad; 1966. 296 p. (In Russ.).
4. Zayaickij SS. Krasavica s ostrova Lyulyu = A Beauty from the Island of Lulu. Moscow: Nobel Press; 2020. 64 p. (In Russ.).
5. Konovalov SM. About satire. *ART LOGOS*. 2020;(2):24-35. (In Russ.).
6. Konstantinova ED, Medvedeva NN. Revolyuciya 1917 goda: vzglyad cherez stoletie = Revolution of 1917: a look through the century. In: Katanovskie chteniya-2019 = Katanov Readings-2019. Abakan; 2019. 318 p. (In Russ.).
7. Nikolaev DD. Russian satirical aphorism of 1905—1907: poetics and typology. *Vestnik TSPU = Bulletin of TGPU*. 2019;(1(198)):38-48. (In Russ.).
8. Aleksandrova TA, Bel'kedar O, Voroncova GN [et al.]. Poetika komicheskogo v russkoj literature XX—XXI vv. = Poetics of the comic in the Russian literature of the 20th — 21st centuries. Moscow: IMLI RAN; 2019. 558 p. (In Russ.).
9. Repida VB, Sajko OA. Istoriya gosudarstvennosti v russkoj literature = The history of statehood in Russian literature. Kishinyov; 2019. 592 p. (In Russ.).
10. Samygina LV. Ironiya: metatekstovyy potencial v rasskazah S. D. Dovlatova = Irony: metatext potential in the stories of S. D. Dovlatov. Moscow; 2017. 165 p. (In Russ.).
11. Trahtenberg LA. Russkie satiricheskie zhurnaly XVIII veka = Russian satirical magazines of the 18th century. Moscow: MAKS Press; 2016. 431 p. (In Russ.).
12. Fominyh TN. S. S. Zayaickij “Krasavica s ostrova Lyulyu”: pastoral'nye aspekty romana i ego inscenirovki = S. S. Zayaitzky “Beauty from the Island of Lyulu”: pastoral aspects of the novel and its dramatizations. In: Pastoral'. Idilliya. Utopiya = Pastoral. Idyll. Utopia. Moscow; 2002. Pp. 94—106. (In Russ.).
13. Shilova OS. Informacionnaya politika protivoborstvuyushchih sil vo vremya Grazhdanskoj vojny v Sibiri (na materialah Irkutskoj gubernii 1918—1920 gg.) = Information policy of the opposing forces during the Civil War in Siberia (based on materials from the Irkutsk province 1918—1920). Irkutsk; 2021. 167 p. (In Russ.).
14. Shishko AV. Konec zdravogo smysla = The end of common sense. Ekaterinburg: Tardis; 2010. 20 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Чжао Юе — магистр гуманитарных наук, докторант PhD, кафедра русской литературы и методики обучения.

Information about the author

Zhao Yue — Master of Arts, PhD doctoral student, Department of Russian Literature and Teaching Methods.

Статья поступила в редакцию 05.09.2021; одобрена после рецензирования 30.11.2021; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted 05.09.2021; approved after reviewing 30.11.2021; accepted for publication 25.02.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.